



М.В. Пименова, М.В. Артамонова

**«РЕЧЕНИЕ» И «РАЗУМ»
ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА**

Часть I.

*Методические указания к проведению специализированных семинаров
по курсу «История русского языка»*

Владимир – 2008

УДК 81.42

ББК 81.411.2-0-923

Пименова М.В., Артамонова М.В. *«Речение» и «разум» древнерусского текста: В 2-х ч. Часть I. Методические указания к проведению специализированных семинаров по курсу «История русского языка».* — Владимир: ВГПУ, 2008. — 50 с.

Методические указания предназначены для студентов 2-го курса филологического факультета. Содержат материалы по подготовке к научно-исследовательской работе по специальности.

Авторы-составители: Пименова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ВГПУ; Артамонова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка ВГПУ.

Ответственный за выпуск: Фурашов Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ВГПУ.

Рецензенты:

Петрова Валентина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Чувашского государственного университета.

Ручко Ольга Гавриловна, старший преподаватель кафедры русского языка ВГПУ.

Печатается по решению редакционно-издательского совета ВГПУ.

© Владимирский государственный педагогический университет, 2008

Оглавление

Пояснительная записка	4
Введение. Основы изучения древнерусского текста	5
1. Понятие текста и теории смысла	7
1.1. Понятие текста и теории смысла: «речение».....	7
1.2. Понятие текста и теории смысла: «разум».....	8
1.3. Понятие текста и теории смысла: «речение» и «разум».....	10
Библиографический список.....	13
2. Древнерусский текст и языковая картина мира.....	14
2.1. Особенности архаичного мировосприятия: синкретизм чувственной и абстрактной деятельности мышления.....	16
2.2. Семантический синкретизм.....	17
2.2.1. <i>Сигнификативная синкретсемия</i>	19
2.2.2. Трансформация семантического синкретизма и <i>структурно-синтагматическая синкретсемия</i>	21
Библиографический список.....	22
3. Минимальные лексические единицы древнерусского текста.....	25
3.1. Синкретемы <i>парадигматического</i> типа	27
3.1.1. Парные именованья.....	27
3.1.2. Двандва.....	29
3.1.3. Триады.....	30
3.2. Синкретемы <i>синтагматического</i> типа.....	31
3.2.1. Словосочетания с постоянными эпитетами	31
3.2.2. Словосочетания с устойчивыми унижными атрибутами	32
3.2.3. Описательные глагольно-именные обороты.....	33
3.2.4. Предикативные конструкции типа <i>бысть сѣча зла</i>	34
3.2.5. Устойчивые сравнения	34
3.3. Синкретемы <i>эпидигматического</i> типа.....	36
3.3.1. Этимологические фигуры.....	36
Библиографический список.....	37
4. Способы организации древнерусского текста.....	41
4.1. Описательный словесный ряд.....	42
4.2. Повествовательный словесный ряд.....	44
4.3. Словесные ряды толкования.....	45
4.3.1. От толкования – к рассуждению	48
Библиографический список	49

Пояснительная записка

Специализированные семинары (спецсеминары) являются особым видом учебных занятий, имеющих своей целью подготовить студентов к участию в научно-исследовательской работе по специальности «032900 – Русский язык и литература», по учебному плану которой на спецсеминары по русскому языку отводится 52 ч. (26 ч. – на практические занятия, 26 ч. – на самостоятельную работу студентов; предполагается зачет в 6 семестре). Итогом специализированных семинаров должна явиться курсовая работа (защита и дифференцированный зачет – 7 семестр).

Особенность специализированных семинаров по курсу «История русского языка» состоит в том, что знакомство студентов с основами научной работы происходит на материале комплекса историко-лингвистических дисциплин, которые или только начинают изучаться (*старославянский язык* – 2 курс), или будут изучаться позднее (*историческая грамматика* – 3 курс, *история русского литературного языка* – 4 курс), или не предусмотрены учебным планом (*историческая лексикология и семантика, историческая стилистика, историческая риторика, лингвистика текста, герменевтика, экзегетика, палеография, текстология, кодикология* и под.). Восполняя указанный пробел, предлагаемые методические указания, во-первых, знакомят с основами научно-исследовательской работы по курсу «История русского языка», концентрируя внимание на сложных и дискуссионных вопросах (дают понятие текста в соответствии с категорией смысла в диахронии, рассматривают категорию *синкретсемии*, отражающую особенности архаичного мировосприятия, представляют минимальные лексические единицы древнерусского текста и способы его организации), содержат список рекомендованной литературы для самостоятельной научно-исследовательской работы студентов (Часть 1), во-вторых, дают практические рекомендации по методике сбора материала (картографирования), его расшифровки и интерпретации в соответствии с общей целью исследования в рамках курсовой работы по русскому языку (Часть 2).

Введение

ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

Изучение *текста*¹ как «языка в действии» (language in use) относится к магистральному, как считают исследователи, направлению мировой науки о языке XXI века. В последние десятилетия сложилась атмосфера определенного «бума» вокруг филологического анализа текста, появились сравнительно молодые лингвистические дисциплины (*теория текста, лингвистика текста, семантика текста, структура текста, грамматика текста, синтаксис текста, стилистика текста* и под.), однако уровень текста продолжает оставаться недостаточно изученным (по сравнению с уровнем языковых единиц): нет однозначного понимания текста, его отношения к языку и речи, не решен вопрос о природе общих принципов построения текста (категории, модели, приемы), по-разному понимается соотношение текста и формы речи (письменной и устной), в стадии разработки находится понятийно-терминологический аппарат, методы исследования и т.д.

Необходимо подчеркнуть, что наименее изученной областью текстового уровня является древний (*древнерусский*) текст, что объясняется, на наш взгляд, следующими причинами.

Во-первых, недостаточно разработаны базовые для интерпретации древнего текста исторические дисциплины. Это *историческая лексикология* и *семантика* (объектом которых являются семантические характеристики минимальных единиц древнерусского текста), *историческая стилистика* (характеризующая древние тексты как особые слои языкового выражения – стили речи – народно-литературный, книжно-славянский, деловой), *историческая риторика* (наука об ораторском искусстве и правилах речи, составляющих «образ благого поведения человека Древней Руси» [Аннушкин 2002: 23]), *историческая поэтика* (изучающая систему образ-

¹ Современные исследователи под *текстом* (от лат. textus – ткань, сплетение, соединение) понимают объединенную смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [Николаева 1990: 507].

ных средств выражения в диахронии), *лингвистическая герменевтика* (толкующая неочевидный смысл древнего текста), а также *теория речевых актов* и *прагмалингвистика*, которые по отношению к древним периодам развития языка не рассматривались (да и, вероятно, не могут рассматриваться в связи с их нерелевантностью для диахронического анализа).

Во-вторых, совершенно не изучено большинство древних *рукописей*, являющихся конкретным проявлением текста в уникальной форме. По мнению Д.С. Лихачева, русских рукописей сохранилось около 150 тысяч, хотя это всего лишь 3-5 % от всего созданного восточными славянами (остальное погибло во время междоусобных войн, половецких набегов, монголо-татарского нашествия и т.д.). Наиболее ценными считаются относящиеся к XI-XIV вв. 850 рукописей, из которых хорошо описано только около 200¹.

Кроме того, изучение древнерусского текста осложняется в связи с тем, что до наших дней, как правило, не доходит *авторский текст*, поэтому исследователям приходится восстанавливать *архетип* первоначального текста при помощи данных *текстологии* (науки, изучающей историю текста), *кодикологии* (науки, изучающей историю рукописи), *палеографии* (междисциплинарной вспомогательной дисциплины, определяющей время и место создания рукописи и способствующей расшифровке текста в его рукописном варианте), *филигранологии* (изучающей водяные знаки – *филигранные* – с целью определения точного времени создания рукописи) на основе сравнительного изучения *списков, редакций* (то есть идеологических или стилистических вариантов, возникших в результате сознательной деятельности русских книжников) и *изводов* (то есть совокупности случайных изменений текста, наславившихся с течением времени в результате многократного переписывания в различной книжной среде). В отдельных случаях может быть известен *протограф* – ближайший к тексту оригинала сохранившийся список, который позволяет уточнить реконструкцию текста [Черепнин 1956; Лихачев 1983].

¹ В 12-ти томной серии «Памятники литературы древней Руси» (ПЛДР), выходящей под редакцией Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева с 1978 по 1994 гг., представлено всего 275 памятников XI-XVII вв.

В-третьих, бóльшая часть современных диахронических работ опирается на материал, извлеченный из исторических словарей и картотек, а не из первоисточников, не из средневековых текстов, что приводит историков языка к ситуации, когда они в ряде случаев вместо средневековой ментальности (вместо древнерусского текста) изучают логику ученых-лексикографов XIX-XXI вв.

Данные методические указания, не претендуя на решение всего комплекса проблем, намечают основные дискуссионные вопросы, связанные с изучением текста в диахронии.

1. ПОНЯТИЕ ТЕКСТА И ТЕОРИИ СМЫСЛА

Следует отметить, что хотя теория текста в качестве лингвистической дисциплины сформировалась только во второй половине XX в. (в 60-е годы), но интерес к изучению соотношения в тексте знака и значения (*категории смысла*) существовал и в XIX – начале XX в. в связи с проблемой актуализации при переходе от языка к речи (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, Г.Г. Шпет, Ш. Балли, В. Матезиус и др.). Кроме того, понятие текста обсуждалось и в донациональную эпоху, в частности в рамках *древнерусских теорий искусства слова*, которые эксплицируются в теории и практике средневековых переводов (Св. Матхаузерова).

Рассмотрим различные подходы к понятию текста в связи с категорией смысла.

1.1. Понятие текста и теории смысла: «речение»

По одному из подходов основным в тексте считается форма выражения, означающее, знак (в средневековой терминологии – «*речение*»).

Это характеризует, например, средневековую *теорию пословного перевода*. Так, в своих переводах сакральных текстов Константин Костенческий (Константин Грамматик, XIV в.) стремится к точности и дословности перевода, к тождеству выражения (а не содержания), причем он полагает, что необходимо точно передавать в переводе даже количество букв оригинала (то есть количество гласных и согласных букв), поскольку существовало антропоморфное осмысление букв (буквы – это мужчины и женщи-

ны, «господствующие» и «покорительные», то есть согласные и гласные, причем титлы – это головные уборы, носить которые прилично женщинам).

Максим Грек (в миру – Михаил Триволис, XVI в.) также считал основным при переводе форму выражения, поэтому он в своей переводческой деятельности ставил на первое место *грамматический аспект перевода*. Максим Грек писал о том, что грамматические, в том числе и лексические, системы двух языков различны, независимы друг от друга и что в начале необходимо понять «до конца» грамматическую систему языка, а только потом можно искать эквивалентное место определенной грамматической формы в системе другого языка.

Старообрядцы (идеолог старообрядцев протопоп Аввакум, романо-борисоглебовский поп Лазарь, суздальский поп Никита Добрынин, 60-е гг. XVII в.) основным в тексте считают форму выражения, они истово верят в букву как в знак, воплощающий Бога посредством канонического текста. «Правду» (правильность) текста они проверяют его повторяющимся восприятием (а не критическим сравнением с другим текстом), а сам текст понимают как нечто данное, как откровение, которое может существовать только в своей первоначальной, законченной и неизменной форме. Текст старообрядцы отождествляют с обозначаемой субстанцией (*субстанциональное понимание текста*). Нарушение даже одной буквы воспринимается как нарушение всего текста в целом, поэтому «правщиков» текста (сторонников реформы Никона) старообрядцы сравнивают с мышами: «яко мыши огрызуют божественная писания ... у “свете тихий” конец отгрызли ... ныне божие имя выкусили» (цит. по [Матхаузерова 1976: 20-21]).

1.2. Понятие текста и теории смысла: «разум»

Противоположный по содержанию подход предполагает превалирование в тексте содержания, означаемого, значения, смысла (в средневековой формулировке – «*разума*»).

Данный подход эксплицируется в теории *вольного перевода*, при котором происходит нивелирование формы оригинала, что позволяет сокращать / удлинять / изменять текст первоисточника, «приспосабливая» его к

обозначаемой субстанции (им переведены на древнерусский язык, например, «Девгениево деяние», «Повесть об Акире Премудром», Хроника Георгия Амартола, Хроника Иоанна Малалы, «История иудейской войны» Иосифа Флавия). Св. Матхаузера отмечает, что этот способ перевода «...развивался стихийно и определяющую роль играло здесь стремление передать новое содержание, будь это с целью обучения, развлечения или поучения» [Матхаузера 1976: 38].

По *импрессионистской теории смысла* (александрийская богословская школа – Филон, I-II вв.) считается, что все в древнем тексте (прежде всего – в Писании) – небесные тела, растения, животные, камни, краски, утварь, времена года – имеет субъективно-аллегорический смысл (например, осел обозначает бессловесную природу, тигр – страсть, верблюд, сохраняющий в себе воду – память, овца – разум, коза – стремление к правде, горлица – божественную мудрость и т.д.). [Зеeman 1993]. По современному варианту данной теории – *теории интерпретационизма* – «тексты не обладают значением сами по себе: значения привносятся в тексты говорящими и слушающими» [Демьянков], в связи с чем текст лишается объективного содержания («разума»).

Согласно *контекстуальной теории смысла* (Блаженный Августин, 354-430 гг., Флаций Иллирийский, XVI в.), смысл слова реализуется только в контексте, в связи с общим значением, а вне этой связи (как отдельный знак, как отдельное «речение») оно теряет какой-либо смысл. Этой теории придерживался А.А. Потебня, который писал: «Вырванное из связи слово мертвó, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет». Таким образом, поскольку вне контекста лексические единицы / знаки воспринимаются как «смысловые нули», текст лишается «речения».

Сторонники *парадигматической теории смысла* (В. фон Гумбольдт, Ф.Шлейермахер) отождествляют значение со значимостью, полагая, что знак и значение связаны при помощи идеализированного объекта – парадигмы, которая модифицируется или конструируется говорящим / слушающим. Следовательно, парадигматическая концепция видит в языке (и в тексте как реализации языка в речи) одни отношения, то есть один «разум»

(вслед за Ф.де Соссюром и Л.Ельмслевом), однако для того, чтобы существовало отношение, необходимы еще и те члены («речения»), между которыми это отношение устанавливается.

По коммуникативной теории смысла содержание текста (устного и письменного) предопределено необходимостью коммуникации и возникает только в процессе общения людей друг с другом, однако знак / слово / «речение» не возникает из общения. Как отмечают исследователи, «не будь слова, не было бы и общения, как нет его, в нашем человеческом понимании, у животных (пчел, муравьев, бобров, обезьян), живущих организованной социальной жизнью» [Камчатнов 1998].

1.3. Понятие текста и теории смысла: «речение» и «разум»

Третий подход признает одинаково важными в тексте и «речение», и «разум», то есть и форму, и содержание / и означающее, и означаемое / и знак, и значение.

Подобное понимание соотношения знака и значения содержит, например, «открытая» теория перевода, сформулированная Кириллом / Константином Философом (ок. 827-869 гг.) и частично дошедшая до нас в плохо сохранившемся македонском кириллическом листке (рукопись XI-XII вв.), «Сказании о письменах» черноризца Храбра (конец IX в.). Эта теория была также изложена Иоанном экзархом Болгарским (вторая половина IX – начало X в.) в «Прологе» к его переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина. Как отмечает Св. Матхаузерова, «открытая» теория перевода предполагает «перевод ... по возможности точный, но не рабский» [Матхаузерова 1976: 37]. Данная теория на практике реализуется в переводах Кирилла и Мефодия (IX-X вв.), для которых единицей перевода является не слово, а сущность (эйдос), угаданная в слове оригинала и находящая себе новое выражение в слове языка перевода – «неподобное подобие» [Камчатнов 1998: 106].

Рационалистического понимания текста придерживаются сторонники церковной реформы патриарха Никона (1653-1656 гг.), в рамках которой происходила «справа» книг, ставящая своей целью устранить неточности прежних переводов и добиться точного «разума» и «речения»,

соответствующего тексту греческих богослужебных книг. Идеолог «справы» книг Симеон Полоцкий в своем трактате «Жезл правления» пишет, что «правда» текста состоит не в его застывшем звучании, а в развивающемся уровне познания читателя. Восприятие текста, по мнению Полоцкого, представляет собой соотношение трех компонентов: слова – объекта – субъекта. Симеон Полоцкий считается с тем, что не все одинаково воспринимают и понимают текст. Оправдывая метафорические выражения в новых, исправленных книгах, он пишет: «Все же сия места не суть безместна, но лепо умствующим, лепа же и блага: самому безумному Никите со единомышленники (имеются в виду старообрядцы - М.П.) его соблазн и преткание» (цит. по [Матхаузерова 1976: 21]).

Наиболее распространенная в наше время *концептуалистская теория смысла*, представленная в большинстве научных работ и учебных пособий по лексикологии (М.В. Никитин, Л.А. Новиков, С.Д. Кацнельсон, О.С. Широков, Д.Н. Шмелев, Ю.С. Степанов и др.) опирается на модель «семантического треугольника» / «семантической трапеции» (Ч. Огден и А. Ричардс, Г. Фреге, Г. Стерн, Ч. Моррис, С. Ульман, Г. Клаус, Л. Тондл, К. Хегер), традиционную сенсуалистскую схему «предмет – ощущения – представление – понятие» и на философские основы диалектического материализма. Данная теория изучает структуру актов наименования через слово и словосочетание (лексическая номинация) / предложение (пропозитивная номинация) / текст (дискурсивная номинация), исходя из «геометрической» модели значения, объединяющей знак, законосителя (sign-vehicle), обозначаемый мыслимый предмет, денотат (denotatum, object), понятие об этом предмете, смысл, сигнификат, концепт (significatum, concept), предмет речи, референт (referens) и значение как содержание языкового знака.

Современная *онтологическая теория смысла* синтезирует предшествующие теории и направления (в том числе отечественную «философию имени» – С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский, западную «философскую герменевтику» – Г. Гадамер, Ф. Шлейермахер), а также опирается в качестве философской основы на христианский философский реализм [Портнов 1994]. Онтологические категориальные ряды образуют, с одной

стороны, логическую структуру предмета (*эйдос - пневма - символ - миф - Имя*), с другой стороны, логическую структуру слова (*ноэма - семема - языковой символ - история слова - идея*) [Лосев 1993].

Сторонники онтологической теории критикуют концептуалистов за отсутствие объяснения того, как из ощущений возникает цельное представление (или образ) предмета, а из представления – абстрактное понятие. Кроме того, по мнению критиков, концептуалистская теория «обожествляет» эволюцию как основу познания человеком мира, «обожествляет» гносеологию.

Однако и онтологическую теорию можно обвинить в том, что она не объясняет, как из совпадения сущего и меона (несущего) возникает эйдос и пневма, а из тождества эйдоса и пневмы – символ, каким образом из взаимодействия сущности и абсолютного меона происходит переход Имени (с прописной буквы) в имена человеческих языков, а из совпадения ноэмы и семемы возникает категория языкового символа. Кроме того, данная теория также склонна к «обожествлению», только «обожествляется» не эволюция познания (не гносеология), как в концептуалистской теории, а структура и закономерности бытия (то есть онтология), в связи с чем «обожествляется» сущность, субстанция, Имя (которое не случайно пишется с прописной буквы!).

На наш взгляд, онтологические ряды категорий можно соотнести с концептуалистской «семантической трапецией», однако если «семантическая трапеция» отражает только отношения манифестации в синхронии (денотат-понятие-значение-знак) и представляет собой в связи с этим модель в одной плоскости («плоскостную» модель), то онтологическая модель отражает не только отношения манифестации на синтагматическом уровне (*эйдос /денотат – пневма / сигнификат – языковой символ / лексическое значение, Имя / знак*), но и парадигматические (*ноэма / лексема – семема / семема*), и эпидигматические отношения в диахронии (*символ – языковой символ – миф / история сущности – история слова*), и отношения вариантности / инвариантности (*идея слова – концепт, инвариант означаемого; Имя – слово-инвариант, инвариант означаемого; сущность на фоне несущего (меона) – инвариант обозначаемого*).

Мы полагаем, что только синтез (объединение) концептуалистской и онтологической теорий смысла позволит решить основную проблему исследования древнего текста, связанную с актуализацией «объемного» соотношения знака и значения в диахронии на всех языковых уровнях.

Библиографический список

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2002.

Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. – Воронеж, 1988.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с франц. – М., 1955.

Васильев А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка. – Красноярск, 1997.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. – М., 1976.

Зеeman К.Д. Приемы аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси // ТОДРЛ. – Т.48. – СПб., 1993. – С. 105-120

Историческая стилистика русского языка: Межвуз. сб. / Под ред. З.К. Тарланова. – Петрозаводск, 1990.

Камчатнов А.М. Теоретические основы библейской герменевтики // История и герменевтика славянской Библии. – М., 1998. – С. 66-76.

Ковтун Л.С., Колесов В.В. Новый труд о древних теориях искусства слова на Руси // ТОДРЛ. – 1983. – Т. 36. – С. 391-400.

Кожевникова Кв. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста / Под ред. Г.А. Золотовой. – М., 1979. – С. 49-67.

Ларин Б.А. Историческая лексикология (Вводные лекции к спецсеминару) // История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С. 11-43.

Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.) – 2-е изд., перераб. и доп. – Л., 1983.

Лосев А.Ф. Бытие, имя, космос. – М., 1993.

Матхаузерова Св. Древнерусские теории искусства слова. – Прага, 1976.

Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.

Николаева Т.М. Текст // ЛЭС. – М., 1990. – С. 507.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982.

Пименова М.В. Герменевтические теории смысла и понятие концепта // Язык и ментальность: Материалы XXXII международной филологической конференции. – Вып. 18. – СПб., 2003. – С. 44-45.

Пименова М.В. Онтологическая теория смысла А.Ф. Лосева: синтез речения и разума // Синтез в русской и мировой художественной культуре: – М., 2005. – С. 166-170.

Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX-XX вв. – Иваново, 1994.

Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // У водоразделов мысли. –Т. 1. – Париж, 1985. –С. 41-57.

Флоренский П.А. Собрание сочинений. Т. 4. Столп и утверждение истины / Под ред. Н.А. Струве. – Париж, 1989.

Черепнин Л.В. Русская палеография. – М., 1956.

Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст-1989. Литературно-теоретические исследования. – М., 1989. – С. 229-268.

2. ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Изучение *языковой картины мира* (как «традиционной картины мира, коренящейся в категориях и формах родного языка» [В.В. Колесов 1999: 148]) относится к центральным проблемам целого ряда лингвистических направлений последних десятилетий (когнитивистики, этнолингвистики, этногерменевтики, антропологии языка, лингвокультурологии и под.), в рамках которых языковая картина мира анализируется в качестве компонента триады «действительность – сознание / мышление – язык» (Н.Д. Арутюнова, М. Блэк, А. Вежбицкая, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, Н.И. Толстой, Д. Хаймс и др.).

Древнерусская языковая картина мира во многом для нас не доступна, так как не доступна древняя «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова). Единственное, что с той или иной долей вероятности свидетель-

ствует о древнерусской языковой картине мира – *древнерусский текст*, который «отражал мировосприятие и мировоззрение, ... создавал конструктивные образцы мысли и чувства» [Колесов 1989: 9]. Однако следует отметить, что некоторые исследователи, изучая древнерусский текст (его «речение» и «разум») как отражение языковой картины мира, используют положения когнитивной лингвистики и принципы общей теории текста («накладывая» на древний объект выявленные при синхронном анализе когнитивные единицы и текстовые категории *когезии*, *когерентности*, *континуума* и т.д.). У нас возникают сомнения в плодотворности подобного подхода, так как, во-первых, когнитивистика и подобные теории эксплицируют современные формы научного сознания / мышления, которые не совпадают с мифологическо-синкретичным мышлением древнего русича эпохи двоеверия [Колесов 1986: 7, 28, 56; 1991: 40-49; 2002: 145-168], во-вторых, в этом случае не теория порождается объектом (как должно бы быть при диахроническом анализе), а объект (в связи с этим осовремененный и модернизированный) порождается теорией.

Бóльшего доверия заслуживают попытки выявить особенности древнерусского текста как «феномена языкового употребления» [Горшков 1984: 7] в направлении «от объекта». Вслед за Р. Пиккио основными характеристиками древнего текста признаются *требование пользы*, *достоинство* (*dignitas*) как «...способность возвещать боговдохновенную истину» и *нормативность* текста-образца, обладающего идеологическим достоинством (цит. по [Колесов 1989: 11]). Д.С. Лихачев указывает на «*открытость*» текста как на основу его пополнения культурной информацией, Л.П. Клименко – на «*принцип двойного реализма* – конкретно-исторического и символического» [Клименко 1997: 3], Н.С. Ковалев – на *традиционность* и *учительность* средневекового текста [Ковалев 1997: 10]. Кроме того, если современный текст исследователи схематично представляют в виде конуса («вершина» - образ автора-создателя текста – В.В. Виноградов, средняя часть – жанрово-композиционный уровень текста, нижняя часть – языковой уровень как эстетическая речевая система [Новиков 1988: 15-18]), то древнерусский текст можно представить, как мы полагаем, в виде двух конусов, соединенных остриями (в виде «песочных ча-

сов»): верхний конус «песочных часов» – образ Бога – создателя всего сущего, внутренний мир, постигаемый при помощи «внутренних очей», нижний конус «песочных часов» – внешний мир, воспринимаемый «внешними очами», а соединяющая их узкая часть – толкователь-переписчик, являющийся проводником Слова Божия.

Однако указанные признаки (и предложенная схема) характеризуют текст, на наш взгляд, не с лингвистической точки зрения, а с литературоведческой, искусствоведческой, культурологической, антропологической, эстетической, теологической и под. Для того, чтобы выявить лингвистические особенности древнерусского текста, необходимо прежде всего установить особенности архаичного мировосприятия / сознания / мышления как основы «речения» и «разума».

2.1. Особенности архаичного мировосприятия:

синкретизм чувственной и абстрактной деятельности мышления

Ученые, исследующие начальные стадии человеческой культуры (этнографы, психологи, историки, философы, культурологи, филологи), отмечают особенности архаичного мировосприятия, используя различную терминологию. Например: «мифическое мышление» [Потебня 1976: 432-433]; «наивное, синкретическое представление природы» [Веселовский 1940: 125-126]; синтетическое по своей сущности «дологическое мышление» в общественном сознании [Леви-Брюль 1994]; этикетность, представляющая собой «наиболее типичную средневековую условно-нормативную связь содержания с формой» [Лихачев 1979: 81; 1986: 68-69]; миф как формообразующая и смыслообразующая основа мирозерцания человека средневековья [Гуревич 1990: 379] и т.д. Несмотря на разнообразие подходов, материала и формулировок, по сути все исследователи имеют в виду нерасчлененность (*синкретизм*) чувственного созерцания и логической деятельности мышления человека¹, что отражает древнюю концептуаль-

¹ Синкретизм проявляется, например, в совпадении онтологического и аксиологического, бытия и ценности в средние века (С.С.Аверинцев), а также в нерасчлененности в эту эпоху таких сфер интеллектуальной деятельности, как этика, эстетика, философия, историческое знание, экономическая мысль (А.Я. Гуревич). В «храмовом действе» христианского богослужения обобщенный воз-

ную форму ментальности – *ментализацию*, связанную преимущественно с разработкой объема понятия «вследствие метонимических движений словесного знака» [Колесов 2002: 405-406].

2.2. Семантический синкретизм

Термин *синкретизм* (от греч. συνκρητισμός ‘соединение’) используется в различных областях знания (в трудах философов, историков, психологов, искусствоведов, литературоведов), имея в каждой из них свои дефиниции, которые можно свести к двум основным значениям: 1) исконное соединение разнородных элементов, существующих продолжительное время на основе нерасчлененности; 2) объединение первоначально независимых друг от друга явлений.

Во втором значении данный термин относительно часто употребляется в современной лингвистике (что находит отражение в лингвистических терминологических и энциклопедических словарях) при указании на грамматическую омонимию (падежный синкретизм, синтаксический синкретизм, синкретизм разных грамматических категорий – «неразрешимый» синкретизм) и на разного рода контаминационные образования, противопоставленные друг другу в системе языка и связанные явлениями переходности («разрешимый» синкретизм) [Фурашов 1985: 51-57; Бабайцева 2000: 446].

В первом значении термин синкретизм (семантический конгломерат / лексическая диффузность), понимаемый в большинстве случаев как свойственная древним языковым периодам нерасчлененность значений, не фиксируется в специальных словарях и используется sporadически, начиная с конца 70-х годов, в работах историков языка (наиболее последовательно – в трудах лингвистов Ленинградской / Петербургской школы) [Колесов 1976: 262; 1991; 1992; 1999; 2002; Петрова 1986: 113; Радутная 1987; Пименова 2000 и др.].

вышенный образ создается при помощи неразрывного слияния церковной музыки, иконописи, литературы, прикладного искусства, мелкой пластики, монументальной фресковой живописи, зодчества (П.А. Флоренский).

Нерасчлененность чувственной и абстрактной деятельности мышления человека проявляется, например, в семантическом синкретизме двоичных противопоставлений, которые выделены Вяч.В. Ивановым и В.Н. Топоровым как славянские языковые моделирующие системы. Эти синкретичные оппозиции включают в себя абстрактный образ-символ, оценочный компонент, а также конкретное значение качества и/или количества, градуальности, посессивности. Например, бинарная пара *правый-левый* связана с представлениями об ориентации в пространстве, о противопоставлении мужского и женского начала, правильного и неправильного, положительного и отрицательного. Оппозиция *чет-нечет* указывает на количество, на противоположность жизни и смерти, мужского и женского, хорошего и плохого. Особая семиотическая роль отводится оппозиции *мужской-женский*, которую исследователи рассматривают как «свернутую серию» почти всех противопоставлений [Иванов, Топоров 1965; 1974: 259; Толстой 1987: 169].

Нерасчлененность мировосприятия предопределяет семантическую недифференцированность формальных средств языка: а) морфологический синкретизм (изначальная диффузность частей речи; синкретизм имен; нерасчлененность видо-временных форм глагола; тесная взаимная связь полей аспектуальности и залоговости; «полифункциональность» частиц; аналитизм древних союзов, одновременно указывающих на пространство, цель, причину, время) и б) синтаксический синкретизм (нерасчлененное выражение каузальных и временных, целевых, условных, атрибутивных, пространственных значений в простом предложении) и под. [Якубинский 1953: 229- 240, 254-265; Жирмунский 1946: 201; Ларин 1975: 44-45; Кубрякова 1978: 25; Бондарко 1983: 95].

Слитность чувственного восприятия и абстрактной деятельности мышления человека реализуется также в семантической диффузности на лексическом уровне, о чем свидетельствуют, например, «первобытное имя», заключающее в себе «двойственность субстанций», то есть слитность предметного и качественного значений [Потебня 1968: 65-66]; «синкретическое слово», обладающее единством «полярных значений», [Ларин 1977: 20]; синкретическое сосуществование двух значений в корне [Труба-

чев 1976: 167]; единое недифференцированное образное имя [Кацнельсон 1986: 89-94]; слово-синкрета, «представленное как образ и воплощенное в символе (языковом знаке)» [Колесов 1991: 43] и т.д.

Изначальная семантическая нерасчлененность отличает многие этимоны, что косвенно подтверждается существованием теории и практики так называемой «множественной этимологии», допускающей «одновременное существование нескольких (иногда – многих) семасиологических связей в истории того или иного значения» [Маковский 1996: 6].

Исходный семантический синкретизм этимона можно представить в виде спирали-пружины, сжатой до плоского состояния в *слове-синкрете*, которое содержит в себе образ-символ, являющийся нерасчлененным эквивалентом референта, сигнификата и лексического значения, например: *краса* — ‘жизнь, ее возобновление и поддержание: огонь, красота, молодость, веселье, блеск, свежесть’; *свѣтъ* — ‘цветение жизни: красота, любовь, веселье; святость: истинность, праведность, миропорядок’.

2.2.1. Сигнификативная синкретсемия

Отношения слов-синкрет образуют, на наш взгляд, особую лексико-семантическую семасиологическую категорию, которую мы предлагаем называть термином *синкретсемия*¹ (или, для отграничения от разновидности синкретсемии, о которой речь пойдет ниже, – сигнификативная синкретсемия).

*Сигнификативная*² *синкретсемия* как лексико-семантическая категория – это выражаемое формами одного слова (одной лексемой – *синкретой*³) – семантическое отношение нескольких генетически неразрыв-

¹ От греч. συνκρητισμός ‘соединение’ и σημα ‘знак’; ср. термины, указывающие на прочие семасиологические категории: *полисемия* – от греч. πολυς ‘многий, множественный’ и σημα ‘знак’, *моносемия* – от греч. μονος ‘один, единственный’ и σημα ‘знак’.

² *Сигнификативный* – прил. от термина *сигнификат* ‘обозначаемое’ – понятийное содержание языкового знака.

³ *Слово-синкрета* – термин, указывающий на отдельную (предельную) лексическую единицу, выражающую синкретичное значение.

ных значений (семем), которые сосуществуют в языке и *одновременно актуализируются в тексте / речи* (в отличие от сходной семасиологической категории – полисемии).

К подобным синкретсемичным словам относятся, по мнению исследователей, «самые элементарные слова», «любое общее слово Писания или народной поэтики», в которых всего труднее заметить несовпадение «со значениями соответствующих слов современного языка» (таких, например, как *душа, правда, добро, солнце, бог* и др.) [Стеблин-Каменский 1971: 7; Колесов 1990: 28].

В древнерусском языке синкретсемичными единицами являются, например, прилагательные, обозначающие общую положительную и отрицательную оценку (<+> *благыи, добрыи, лѣпыи, блаженыи, божьствьныи, преподобьныи, красныи, лучии, нарочитыи, святыи, славныи, нарядьныи, лагодьныи, пьрвыи, сулѣи*; <-> *злыи, лихыи, лютыи, безбожьствьныи, бѣсовьскыи, дѣмоньскыи, вражии, лукавыи, супостатьныи, чуждии, худыи, тьмьныи, чьрныи, сквьрныи, мьрзскыи, грубыи, жестоковыи*), а также производные с данными корневыми элементами.

Синкретичное значение, основанное на общей мелиоративной / пейоративной оценке, выражают также ритуально-этические наименования, титулы почитаемых церковью лиц (*блаженный, преблаженный, преподобный, святой* и др.) и обозначения различных социальных групп людей (*нарочитый, добрый, лѣпый, мезинный, черный, подлый* и под.).

При сопоставлении переводов XI - XII вв. с оригинальными текстами проявляется, в одних случаях, многообразие средств выражения (когда одна греческая лексическая единица переводится несколькими русскими словами), в других, – малочисленность (когда, напротив, несколько греческих лексем переводится единственной русской единицей), что косвенно подтверждает наличие сигнификативной синкретсемии как в древнегреческом, так и в древнерусском языках¹.

¹ Так, например, В. Ягич указывает, что греческому существительному εὐπρεπεία ‘благопристойность, приличие, красота’ в славянских переводах соответствуют четыре слова *красота, лѣпота, вельлѣпота, благолѣпие*. В словосложениях на месте греческого εὐ- (‘хорошо, весьма’) наблюдается чередование

2.2.2. Трансформация семантического синкретизма и структурно-синтагматическая синкретсемия

В процессе преопределяющей эволюции языка смены отдельных форм мышления происходит постепенная трансформация семантического синкретизма, проявляющаяся, в том числе, в экспликации ценностных различий на уровне образно-чувственных представлений и абстрактно-логических понятий.

Демонстрирует расщепление аксиологического представления, например, дифференциация внешнего облика и внутренней сущности героя русской сказки, русского эпоса. Так, имеющие невзрачную / отталкивающую внешность Иван-дурак, Иван Запечник, «малый, косматый бурушко» Ильи Муромца, «чудище морское, зверь лесной» – обладают «невидимыми для глаза высокими качествами» [Пропп 1954: 387-388; Мелетинский 1994: 27].

С переходом от язычества к христианству дискретизация семантического синкретизма детерминируется мировоззрением, поскольку новая религия четко разграничивала мир материальный и мир духовный, душу и тело, «внешнего человека» и «внутреннего человека», «очи телесные» и «очи сердечные / умные» [Смирнов 1991: 64].

В процессе трансформации семантического синкретизма происходит постепенное растяжение семантической «пружины», сопровождающееся сужением-конкретизацией синкретичного значения (означаемого) парал-

двух корневых элементов *благ-* и *добр-* (*благо-* /*добро-видѣние*, *благо-* /*добро-зрачный*, *благо-* /*добро-лично(h)*, *благо-* /*добро-лѣние*, *благо-* /*добро-образный*, *благо-* /*добро-воняти*, *благо-* /*добро-пѣсненный* и под.). В «Повести о Варлааме и Иоасафе» лексема *красота* используется при переводе девяти греческих слов, реализующих различные виды прагматического значения (*καλλονή*, *κάλλος*, *κόσμος*, *ώρα*, *ωραιότης*, *τερπνός*, *τερπνόν*, *κατάστασις*, *διακόσμησις*. По наблюдениям В.М. Истрина, в тексте Хроники Георгия Амартола прилагательное *зълъи* соответствует 12 греческим лексическим единицам (*αισχρός*, *αργαλέος*, *άτοπος*, *δεινός*, *διάπυρος*, *δόλιος*, *δριμύς*, *δυσχερής*, *έναντιος*, *κακός*, *πονηρός*, *θαύλος*), выражающим общеоценочное значение ('плохой, скверный, дурной'), целый ряд пейоративных частнооценочных значений и дескриптивные значения ('горящий', 'пылающий', 'раскаленный', 'огненный', 'пламенный', 'жаркий', 'знойный').

лельно с расширением его лексического выражения (означающего), в связи с чем в семантически несвободных сочетаниях слов проявляется *структурно-синтагматическая¹ синкретсемия*, при которой одно значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами нескольких лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами), представляющими собой минимальные лексические единицы древнерусского текста. Например: *мать и отец* – ‘родители’, *кръстное ѹхлование* – ‘присяга’, *повозы возити* – ‘доставлять дань’, *аки тать в ноци* – ‘тайно, скрытно’, *затворити врата* – ‘оказать сопротивление’ и под.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.

Бабайцева В.В. Синкретизм // ЛЭС. – М., 1990. – С. 446.

Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. – Одесса, 1919.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. – М., 2001.

Веселовский В.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. – Л., 1940. – С. 125-199.

Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. – М., 1984.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд., испр. доп. – М., 1984.

Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М., 1990.

¹ *Структурно-синтагматический* – термин, указывающий на то, что данный тип *синкретсемии* реализуется при линейном (одновременном) соотношении элементов, представляющих собой устойчивую структуру.

Жирмунский В.М. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1946. – Т. 5. – Вып. 2. – С. 183-203.

Иванов Вяч.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текста. – М., 1974.

Иванов Вяч.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы: Древний период. – М., 1965.

Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Текст. – Пг., 1920; Т. 2. Исследование. – Пг., 1922.

Кацнельсон С.Д. Общее и психологическое языкознание. – Л., 1986.

Клименко Л.П. Проблемы языка, состава текста и жанра старопечатных памятников русской письменности XVII-XVIII вв. – Ч.2. – Н. Новгород, 1997.

Ковалев Н.С. Древнерусский литературный текст: Проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки. – Волгоград, 1997.

Колесов В.В. Древнерусская вещь // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции / Под ред. В.Г. Базанова. – М., 1976. – С. 260-264.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999.

Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестн. СПбГУ. – Сер. 2. – 1992. – Вып. 3. – № 16. – С. 30-40.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.

Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка: Межвуз. сб. / Под ред. З.К. Тарланова. – Петрозаводск, 1990. – С. 16-36.

Колесов В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестн. ЛГУ. – Сер. 2. – 1991. – Вып. 2. – № 9. – С. 40-49.

Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб., 2002.

Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб., 2004.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М., 1978.

Ларин Б.А. Лексикология, история слов и лексикография // История русского языка и общее языкознание: Избр. раб. – М., 1977. – С. 11-42.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фран. – М., 1994.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – 3-е изд., доп. – М., 1979.

Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986.

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – 2-е изд. – М., 1970.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996.

Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М., 1994.

Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М., 1988.

Петрова В.Д. Присубстантивное распространение в произведениях стиля «плетения словес» (на материале произведений Епифания Премудрого): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986.

Пименова М.В. Семантический синкретизм и синкретсемия в древнерусском языке (серия «Научные доклады»). – СПб, 2000.

Пименова М.В. Эстетическая оценка в древнерусском тексте: Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2000.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. – М., 1968.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976.

Пропп В.Я. Язык былин как средство художественной изобразительности // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1954. – Вып. 20. – № 173. – С. 375-403.

Радутная О.А. Пространственно-временной синкретизм и его выражение в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1988.

Смирнов И.П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // Wiener Slawistischer Almanach. – Т. 28. – Wien. 1991.

Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. – М., 1971.

Толстой Н.И. О природе связей бинарных противопоставлений типа *правый–левый, мужской–женский* // Языки культуры и проблемы переводимости / Под ред. Б.А. Успенского. – М., 1987. – С. 169-183.

Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1976. – С. 147-179.

Фурашов В.И. Определение как синтаксическая категория в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. – Владимир, 1985.

3. МИНИМАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

Внимание исследователей средневекового периода развития русского языка неоднократно привлекали относительно устойчивые в своем составе и обладающие семантической целостностью минимальные лексические единицы древнерусского текста, которым давались самые различные терминологические определения, например: готовые формулы, заученные выражения (В.О. Ключевский), постоянные формулы, стереотипные шаблоны (А.С. Орлов), характерные выражения (С.Ф.Платонов), стилистические шаблоны (Б.А. Ларин), стилистические трафареты, словесные формулы (Д.С. Лихачев), традиционные устойчивые сочетания, литературные формулы (О.В. Творогов), фразеологизмы (В.Л. Архангельский, М.М. Копыленко, Г.А. Селиванов, Н.А. Суворова), трафареты, трафаретные выражения, устойчивые сочетания на метонимической основе (Л.Я. Костючук), традиционные словосочетания-штампы, традиционные выражения, словосочетания-клише (Т.Н. Кандаурова), формулы-синтагмы (В.В. Колесов).

Следует отметить, что минимальные единицы древнерусского текста классифицировались исследователями (эксплицитно и имплицитно) на различных языковых уровнях и по различным основаниям.

Во-первых, классификация осуществлялась на уровне текста по экстралингвистическому ситуативно-тематическому принципу (ономасиологический анализ – от значения к знаку), в результате чего были выделены, например, *формулы боя* (А.С. Орлов), *топосы агиографии* (В.О. Ключевский) и под.

Во-вторых, изучение минимальных единиц осуществлялось в рамках того или иного типа языка (преимущественно – делового) на уровне языка как системы подсистем (В.Я. Дерягин, Л.И. Коломиец, Л. Я. Костючук, Г.А. Селиванов и др.).

В-третьих, минимальные единицы древнерусского текста классифицировались на уровне языковых единиц по структурным моделям / типам / сверхпарадигмам (семасиологический путь – от знака к значению), в результате чего были выявлены особые структурно-семантические модели (парные именованья, этимологические фигуры / *figura etymologica*, устойчивые сравнения, постоянные эпитеты, словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами, описательные глагольно-именные обороты, предикативные конструкции и под.).

Мы предлагаем обозначать минимальные лексические единицы древнерусского текста термином **синкретемы** (корень *синкрет-* + суффикс *-ем-*), который находится в одном ряду, во-первых, с терминами *синкрета*, *синкретизм*, *синкретсемия*, во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней – *синтаксема*, *лексема*, *семема*, *морфема*, *фонема* и под. Синкретемы выражают основанное **на метонимии** синкретичное значение и отражают в связи с этим явление структурно-синтагматической синкретсемии¹.

Различаются синкретемы, на наш взгляд, типом синкретичного значения: 1) парадигматический тип – *парные именованья двандва, триады*; 2) синтагматический тип – *постоянные эпитеты, словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами, описательные глагольно-именные обороты, предикативные конструкции, устойчивые сравнения* и др.;

¹ Необходимо отметить, что восходящие к древним структурно-семантическим моделям синкретемы функционируют и в современном русском языке, однако они чаще всего не фиксируются в фразеологических словарях, так как не отвечают одному из основных признаков современных фразеологизмов – **метафорической** образности. Например: парные именованья – *базар-вокзал, пьянка-гулянка, штучки-дрючки*; этимологические фигуры – *гремит гром, снится сон, варится варенье*; сочетания с устойчивыми атрибутами – *черное золото, зачетная книжка, детский сад*; ОГИО – *дать совет, найти решение, одержать победу* и под. Последовательно фиксируются в словарях, пожалуй, только устойчивые сравнения, поскольку данный вид сочетаний представляет собой «развернутую метафору» (*как истукан, как угорелая кошка, как прошлогодний снег, как из-за угла мешком прибитый, как кровь с молоком, как по писаному* и др.).

3) эпидигматический тип – *этимологические фигуры / figura etymologica*. Кроме того, отдельные виды синкретем по-разному соотносятся с денотатами, что также предопределяет семантические различия между ними.

3.1. Синкретемы парадигматического типа

Мы полагаем, что соединенные сочинительной связью *парные именованья, триады, двандва* выражают синкретичное значение **парадигматического типа**, поскольку оно создается либо соединением однородных, рядоположенных сущностей, которые условно можно определить как синонимичные / согипонимичные (*лѣпота и красота, честь и слава, туга и тоска, краса-баса; по образу и подобию и существу, во имя отца и сына и святого духа; Петръ и Павелъ, Борисъ и Глѣбъ*), либо соединением разнородных (противопоставленных – антонимичных) сущностей (*небо и земля, северъ и югъ, день и ночь, животъ и смерть*).

3.1.1. Парные именованья

Парные именованья указывают на денотат, который возникает в результате синкретичной парности двух предполагающих друг друга предметов, явлений и т.д., например: *мать и отец* – ‘родители’, *день и ночь* – ‘сутки’, *небо и земля* – ‘вселенная’, *сѣмо и овамо* – ‘везде’, *щит и меч* – ‘оружие’ и др.¹

¹ Следует отметить, что подобные парные именованья, традиционно понимаемые как разновидность гендиадиса (*έν διά δύοιν* – одно через два), А.А.Потебня представляет в виде противоположного гендиадису явления и называет «двое в одно, двойственность субстанции, сливающаяся для позднейшего сознания в единство» [Потебня 1968: 217; Евгеньева 1963: 268-272; Жолобов 1998: 78-79], в связи с чем подобные паратактические выражения («квазисинонимические и синонимические») трактуются как одно «новое слово, с новыми особенностями значения, новым кругом поэтических ассоциаций и как бы усиленное в своем значении» [Лихачев 1979: 107], как эксплицированный парным именованьем гипероним, обозначающий родовое понятие [Жолобов 1998: 78, 81-82]; как эквиполентные оппозиции, отличающиеся сочинительным соединением и причинно-следственными связями, которые выражают понятие собира-

Данные единицы характеризуются следующими формальными признаками: 1) компоненты парных именовании могут подвергаться частеречному варьированию (*радость и веселье – радоватися и веселитися – радующеса и веселящеса, мудрость и разумь – мудръ и разумьнь*); 2) возможно контактное и дистантное расположение компонентов устойчивых сочетаний (*плачь и рыдание – плачь велий и рыдание*); 3) компоненты сочетаний соединены сочинительной (*честь и слава, хлеб и соль*) или бессоюзной связью (*честь-слава, хлеб-соль*).

Следует отметить, что парные именованя восходят как к библейским источникам (*плач и рыдание, печаль и скорбь, радость и веселье, стыд и срам, честь и слава*), так и к устной народной поэзии (*клен и дерево, путь и дорога, рать и сила, хлеб да соль, гуси-лебеди, краса-баса*) (В.В. Колесов, О.Ф. Жолобов, М.В. Артамонова, см. также под другими терминами – Д.В. Дмитриев, А.П. Евгеньева, Л.П. Клименко, Д.С. Лихачев, О.П. Лопутько, А.А. Потеня). Например: «*Землю ли ты благоцвѣтущую нареку? Нѣ тоя чести нѣй ся показа; тѣгда бо и та страхомъ трясашеса, ты же с веселиемъ и радостію божіе тѣло съ Никодимомъ въ плащаницю съ вонями обив положил еси*» (КТур 13: 425); «*и бысть радость и веселие велико въ градѣ во Пскове о пособіи святыа Троица*» (Сказ. Довмон.: 52); «*исходъ миренъ подасть намъ на ону жизнь, идеже радости и веселья бесконечнаго насладимся з добрѣ оугожьшими богу*» (Серапион: 442); «*И си вся видѣвъ, възрадуися и възвеселися, и похвали благааго Бога, всѣмъ симъ строителя*» (Иларион: 595); «*Тобѣ дастся всяка власть и сила на нб~си и на зе(м)*» КТур XII сп. XIV, 48; «*... Днь(с) горы и холми точать сладость*» Там же, 8 (СлДРЯ 1: 445; 2: 354)¹.

тельного смысла: «индивидуальное и коллективное», «частное и общее», «внутреннее и внешнее», «духовное и материальное», «суть и сущность» [Колесов 1989: 145, 166, 203-204].

¹ При цитировании опубликованных памятников сохраняется графика, орфография, пунктуация издания (за исключением знака йотации и букв **ѡ**, **ѣ**, **ѣ**, **<**, **@**, **Ѳ**, **^**, которые заменены соответственно на **о**, **з**, **ф**, **я**, **у**, **от**) и принятые в нем сокращения; полный список сокращений – см. Ч. II, Приложение 7.

3.1.2. Двандва

Двандва (санскр. dvandva – ‘пара’) – устойчивые сочинительные бинарные сочетания, компоненты которых выражены антропонимами. Данные сочетания используются для обозначения парно связанных божеств, святых, великих князей как однофункциональных и реализуют тем самым синкретичное значение, проявляющееся в тесной связи обозначаемых лиц. Два антропонима, объединяясь, образуют в тексте сложный двусоставный оним¹, обозначающий персонифицированную двоицу: *Борись и Глѣбъ, Флоръ и Лавръ, Петръ и Павелъ, Адамъ и Ева, Симонъ и Ярославъ, Исакъ и Ияковъ, Каинъ и Авель, Мстиславъ и Володимеръ*.

Конструкции двандва («божественные двандва», по терминологии О.Ф. Жолобова) представляют собой «модель сочетания формульного типа, удвоение видовых понятий, в котором образуется родовое понятие сакрального смысла» [Жолобов: 1993; 1998]. Синкретичное значение двандва обуславливает особую форму данных единиц – грамматическую форму двойственного числа, указывающую на наличие отношений двоичности в данных формулах-синтагмах, выражающих значение ‘два’, ‘вместе с’. Значение двоичности возникает только при совместном употреблении имен собственных, приводящем к образованию сакральной двоицы. В создании сакральной двоицы проявляется сущность двойственного эллиптического числа, которая состояла, по мнению О.Ф. Жолобова, «в употреблении одного именованного в форме двойственного числа на месте двух именованных, обозначающих тесно связанные, предполагающие друг друга сущности» [Жолобов 1991: 193], например: «*Олець нача миръ творити со царьма грецкима, со Леоном и Александром ...*» (ПВЛ: 40, 44); «*Приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима, Борису и Глѣбу...*» (Там же: 218); «*... и явистася ему великая апостола Петръ и Павелъ...*» (Жит. Авр. Смол.: 86).

Двандва обладают высшей степенью структурной слитности: двандва характеризуются непроницаемостью структуры, невозможностью дистантного употребления компонентов и фиксированным порядком их рас-

положения, например, «...о чудесьхъ святою и блаженою страстотръп-
цю Бориса и Глѣба (написаль)...» (Жит. Феод. Печ.: 304); «Радуйтася,
Борисе и Глѣбе богомудрыя, яко потока точита от кладязя воды жи-
воносныя исцѣления...»; «... въ се лѣто первое зло на Възнесение господне,
еже у Трьполя, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба...» (ПВЛ: 152,
232); «... и азъ дамъ вамъ милость въ будущемъ вѣцѣхъ строителю сего ра-
ди Антониа и Феодосиа»; «Господи, избави мя от горкыя сеа смерти мо-
литвами пречистая твоя матере и преподобного отцу Антониа и Феодо-
сиа» (Киев.-Печ. патерик: 414, 418).

3.1.3. Устойчивые триады

Триада – это устойчивое трехкомпонентное сочетание, возникшее путем присоединения к исходному парному сочетанию третьего компонента. Триада используется для выражения синкретичного значения троичности и обозначает Святую Троицу или символичную троичную единицу, например, *Бог-Отец, Бог-Сын, Святой Дух* ('Бог в трех своих ипостасях'); *и нынѣ и присно и во вѣки вѣков* ('всегда, вечно'); *душа и тѣло и духъ* ('единая сущность человека'); *солнце и луна и звѣзды* ('небесные светила'). Распространение устойчивых триад в древнерусских письменных памятниках обусловлено утверждением христианской тринитарной идеологии, согласно которой Бог существует в единстве трех своих сущностей: *Бог-Отец, Бог-Сын, Святой Дух*, а человек - в единстве психической, физической и мистической деятельности [Жолобов 2000: 110].

Исследователи отмечают, что устойчивая триада возникает в результате преобразования парного именованья, что, вероятно, является отражением перехода от парности, двойственности представления мира к троичности, что соответственно требовало перехода в построении семантических оппозиций от бинарных к трехкомпонентным [Матхаузерова: 1976; Ковтун, Колесов: 1983], например, таким образом парные именованья *душа и тѣло, солнце и луна, слово и дѣло* становятся единицами, служащими для построения триад: «... съсуд божий есть и святому духу жилище бы-
ваетъ, от того освещается душа и тѣло...» (Киев.-Печ. патерик: 586) -
«И тако абие отроча растяше прочее время, по обычаю телеснаго възра-

ста, преуспевая душею, и тѣлом, и духомъ...» (Жит. Серг.: 278); «И въпраша его царь: «Есть ли у вас солнце и луна?» (Суды Соломона: 72) - «Что есть мѣра отъ востока до запада? - Солнце и луна и звѣзды» (Апокр.: 142); «Слово и дѣло есть вскорѣ» (Посл. Вас. Новг.: 46) - «Ни доканчивалъ есмь с кимъ иному добра хотѣти болѣ его - ни дѣломъ, ни словомъ, ни помысловъ» (Посл. митр. Кипр.: 436).

3.2. Синкретемы синтагматического типа

Синкретемы **синтагматического** типа, соединенные линейной подчинительной связью, представляют собой бóльшую часть минимальных единиц древнерусского текста. Это, во-первых, атрибутивные словосочетания («прилагательное + существительное»): а) так называемые постоянные эпитеты (*добрый молодец, красна девица*); б) словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами (*великий князь, святыи духъ, божьствоное слово*). Во-вторых, синкретичное значение синтагматического типа выражают описательные глагольно-именные обороты (ОГИО – *одержати победу, совершити грехъ*). В-третьих, подобное значение реализуют предикативные конструкции типа *бысть сѣча зла*. В-четвертых, синтагматическое значение выражают устойчивые сравнительные обороты (*ако агнецъ, яко звери дивии*).

3.2.1. Словосочетания с постоянными эпитетами

Сочетания с постоянными эпитетами, восходящие к устному народному творчеству, выполняют в древнем тексте, на наш взгляд, не стилистическую («украшающую»)¹ функцию, а семантическую, поскольку данные единицы, «появляясь вне зависимости от конкретной ситуации, являются признаком непосредственно оценочной (идеологической) позиции автора» [Успенский 1970: 23-24] и указывают на денотат, соответствующий

¹ По мнению ряда исследователей, постоянные / «неотлучные» эпитеты (которые именуется также «украшающими» – *epitheton ornans*) употребляются в древнем тексте в «художественной функции», «функции повышения эмоционального колорита», не внося «ничего нового в содержание определяемого понятия» (Е.В.Барсов, Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, А.П. Евгеньева, В.М. Жирмунский, П.Д. Первов, А.А. Потебня, В.Я. Пропп).

ший представлениям о том, каким он должен быть, отвечающий норме, стандарту, идеалу (*добрый молодец, красна девица, белый свет, белый день, белые руки, буйна голова, цветное платье, синее море, черный ворон, серый волк, бела лебедь, чистое поле, ярый воск, зелено вино, стрелы калёные, скатный жемчуг, идолище поганое* и т.д.).

Примеры использования постоянных эпитетов в древнерусском тексте: «*Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы ... Сѣдай, брате, свои бръзьи комони... а всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону ... и поѣха по чистому полю... помчаша красныя дѣвки половецкыя ... ни тебѣ чръный воронъ, поганый половчине!» (Сл. пл. Иг.: 372, 374); «*Нѣкий человекъ воинъ удалецъ ѣздяше по полю чистому и по роздолю высокому ... От Адама и до сего дни сколке было богатырей удалых, а никто же со мною не смѣл побитися ...» (Пов. споре жизн. смерт.: 48); «*Еупраксия стояше в превысоцем храме своем, и держащи на своих белых руках любезное чадо свое - князя Ивана Феодоровича Постника» (Пов. Зараз.: 352-353).***

3.2.2. Словоочетания с устойчивыми книжными атрибутами

Словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами (УКА) называют денотат, обладающий признаком, который выделяет его из однородного ряда и благодаря которому он становится именно этим денотатом / объектом (*правая вѣра* – ‘православие’, *царствие небесное* – ‘рай’, *горы великыя* – ‘Карпатские’, *воровское время* – ‘ночь’, *зѣлыи съвѣтъникъ* – ‘дьявол’). М.В. Никитин называет подобные атрибутивные словосочетания (на современном материале – типа *винтовка солдата, отцов пиджак, материнское поле, столичный житель*) **элизионными**, поскольку в данном случае «...зависимое слово, строго говоря, не называет признак денотата, обозначенного главным словом, а называет другой денотат, находящийся в некотором отношении к первому» [Никитин 1988: 190], причем в данном случае имеется «...пропуск (элизия) имени отношения, хотя именно это

отношение и является признаком денотата главного слова» [Там же]. Ср.: *чинъ божьствъныи* – чин, *божьствъныи / святыи духъ* – дух, *слово божьствъное* – слово, *благыи воин* – воин, *чьрныя ризы* (‘монашеская одежда’) – ризы, *святыи съсудъ* – сосуд, *труба архангелова* (‘звуковой знак, возвещающий о начале Страшного суда’) – труба, *бѣсовьскыя пѣлькы* – полки.

Например: «*И нача посылати къ поганому Ягайлу, отлученному сына божиа, помраченному тмою грѣховною* <...> *Но точию слышав Ягайло Олгердович и вся сила его, яко князю великому с Мамаем бой былъ...*» (Пов. Куликов. битве: 112, 126); «*...И потом сказах ему повѣсть чюдну зѣло о бѣломъ клобукѣ* <...> *да скажет ми полинно о семь о бѣломъ клобукѣ написанное ...*» (Пов. бел. клобуке: 200, 210); «*И прииде же вдова та от церкви божии, и не обрѣте прекрасной своей дщери, и нача вопрошати в дому своем от раб своих и рабынь о прекрасной своей дщери, и рекоша ей вси рабы дому ея: Не вѣдаем, госпожа, дщери твоей прекрасной ...*» (Девг. деян.: 28); «*Церкви свѣтая Богородица Марья, юже созда прадѣдъ твои на правохрнѣи основѣ, идеже и мужественное тѣло лежитъ, жда трубы архангеловы*» (ПСРЛ 2: 922).

3.2.3. Описательные глагольно-именные обороты (ОГИО)

Описательные глагольно-именные обороты (ОГИО – М.М. Копыленко, Е.Н. Лагузова) связаны с «раздваивающимся» денотатом (‘мириться’ – *сътворити миръ*, ‘победить’ – *взяти победу*, ‘любить’ – *любы дѣяти*, ‘заплакать’ – *источи слезу*, ‘согрешить’ – *грѣх сотворити*, ‘верить’ – *веру яти*, ‘чествовать’ – *възложити чѣсть*) и под. О.П. Лопутько отмечает, что бытование подобных (глагольных) сочетаний было поддержано существованием ритуальных действий, например, целования креста (‘клясться’ – *цѣловати крѣсть*), ритуального ломания копья после успешного похода (‘победить’ – *копѣ приломити*), выкладывания «ряда» из пластов земли или дерна как оберега (‘договориться’ – *положити р#дѣ, р#ды дѣржати*) и под. [Лопутько 2001: 11-17].

Следует отметить, что ОГИО варьируются на лексико-грамматическом уровне и могут классифицироваться по нескольким частным структурным моделям, например: глаг. + сущ. вин. п. (*взяти рать, избыть болезнь*), глаг. + сущ. тв. п. (*бити челом, глазами покывати*), глаг. + сущ. дат. п. (*съмьрти предати, книгам разумети*) и под.

Примеры использования глагольно-именных оборотов в древнерусском тексте: «Господи, съвѣты неправедных разори, а зачинающих рать ты погуби, не азъ началъ кровь христианскую проливати, но онъ, Святополкъ новый! <...> Князь же Дмитрий з братомъ своимъ Володимеромъ, и съ всѣми вои оставшимися, став тое ноци на поганых обѣдищех, на костех татарских, утеръ поту своего» (Пов. Куликов. битве: 116, 128); «Василие, Василие, отъче мои и господине, приклони ухо твое и услыши гласъ мои» (Ж. Бор. Глеб. (Усп.): 14 б); «Мьстислав же много пота утеръ с дружиною своею, и не мало мужества показа с мужьми своими» (Ипат. лет.: 303); «Разумѣвъ же Иисус, рече имъ: «Почто труды дѣте¹ женѣ?» (Остр. Ев.: 153); «Цветьми породьными благоухание подаюшти» (Ж. Ниф.: 371, 14-15) .

3.2.4. Предикативные конструкции типа *бысть сѣча зла*

Предикативные конструкции (объединяющие глагол *быти*, определяемое существительное и краткое прилагательное), «...передающие высшую степень выраженности каких-либо природных или общественных явлений» [Лопутько 2001: 115], указывают на денотат, обладающий приписываемым ему качеством / свойством / признаком в количестве, значительно превышающим средний уровень (*бысть замятня велика, трусь же бѣ страшень, бысть крамола зла, бысть радость велика* и т.п.).

Например: «А на Москвѣ бысть замятня велика и мятеж великъ зѣло <...> Была бо тогда сѣча зла зѣло, и много безчисленное множество ту паде трупина Руси, от татаръ избиеных...» (Пов. Тохтам.: 192, 200); «...что пошел князь великый за Оку, и бысть в градѣ Москвѣ туга велика, и по всѣмъ его предѣломъ, и плач горекъ» (Пов. Куликов. битве: 122).

¹ Труды дѣте – ‘смущать кого-л.’

3.2.5. Устойчивые сравнения

Устойчивые сравнения с союзами *ако / яко / како / чьто / акы*, источники которых связаны с книжной (библейско-византийской) и с народной традицией (В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев, Н.Г. Михайловская, К. Зеeman), имеют в виду денотат, уподобляемый другому (*аки агньць / свѣтила / сьльньце / свѣща / звѣзда / мьлния / дьньница / луна – святой; яко сокол млады – богатырь; ако звери диви / акы волци / акы нѣкаа ехидна – враги и др.*).

Святой-праведник чаще всего уподобляется символам наивысшей положительной оценки, денотативное значение которых связано с представлением о естественных и искусственных источниках света. Например: «*[Ольга] аки дьница предь солнцемь и аки зоря предь свѣтомь. Си бо съяше аки луна в ноци ...*» (ПВЛ: 82, 152); «*... и възсия въ земли Русѣй, акы звѣзда пресвѣтлаа*» (Жит. Серг.: 410); «*Сия же убо княжичия прежде по отечскому преданию погани суще верою, последи же благочестия лучами, яко светиле, воссиявши*» (Сказ. Довмонт.: 211).

Символами смирения, кротости, невинной жертвы в древнерусских памятниках являются *агньць, агня, агница, овьца*, восходящие к образной системе Ветхого и Нового Завета, в которой агнец – животное жертвоприношения, связываемое с именем Иисуса Христа [Михайловская 1980: 101-103]. Например: «*Поварь же Глѣбовь, именемь Торчинь, вынезь ножь, зарѣза Глѣба, акы агня непорочно и безлобиво*» (Сказ. Бор. Гл.: 294). Если жертва уподобляется ягненку, то убийцы – дикому зверю [Михайловская 1980: 107-108]. Например: «*И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и копы*» (ПВЛ: 148); «*... но, акы звѣрье жадають насытитися плоть, тако и мы жадаемь и не престанемь, абы всѣхъ погубити*» (Серапион: 448); «*... и сечахуся лицомъ к лицу, рыкающе, акы дивии звѣри*» (Пов. взят. Царьград.: 238).

Пейоративные сравнительные обороты связаны, как правило, с библейскими образами «нечистых» животных. Например: «*... нѣ акы свиния въ калѣ грѣховенѣ присно калящися и акы пьси на своя бловотины*

възвращающееся, тако прѣбываете» (ПВЛ: 182); «... *поползни бо суть змиевы мысли, въ дрязгахъ темныхъ вредъ почивая, гнѣдятся и свѣта не любятъ, но, акы нетопыреве, во тму пруть: во тмѣ бо есть учитель их»* (Посл. Якова.: 458).

3.3. Синкретемы эпидигматического типа

К синкретемам эпидигматического типа относятся *этимологические фигуры / figura etymologica*, объединенные общим корнем (этимоном) и выражающие в связи с этим синкретичное значение **эпидигматического типа** (*трубы трубятъ, свѣтъ свѣтлый, видимыя и невидимыя*).

3.3.1. Этимологические фигуры / *figura etymologica*

Этимологические фигуры (*figura etymologica*)¹ объединяют имена существительные и родственные им этимологически прилагательные / глагольные формы, опирающиеся на фольклорные выражения (*свѣтъ свѣтлый, темень темнеется, стрелой застрелить, думу думать, сослужить службу*) и на стихиры – церковные песнопения (*просвети просветивый свет*), которые обозначают качественно и количественно «удвоенный» денотат – объект, существующий только в процессе реализации определенного признака (*свет светлый*) или во время соответствующего действия (*возрадоваться радостью, жить жизнью, видеть видение, воровством воровать, сослужить службу, льстить лестию, взглянуть взглядом*).

Необходимо отметить, что структура этимологических фигур отличается значительным разнообразием, ср.: подл. + сказ. (*одождит дождь*), сказ. + доп. род. п. (*добытка добыша*), сказ. + доп. вин.п. (*мости мости-*

¹ В другой терминологии - тавтологические сочетания / тождесловия, которые рассматриваются исследователями (вслед за Ф. Миклошичем) как «игра созвучий однокоренных слов», «намеренная аллитерация», «художественное средство», «риторическая микрофигура», «прием выразительности», принципом которых является «повторение» (П. Бицилли, В.В. Виноградов, А.П. Евгеньева, Н.Г. Михайловская, И.П. Смирнов, Н.И. Толстой).

ти), вин.п. внутреннего объекта с переходным глаг. (*видети видение*), вин.п. внутреннего объекта с непереходным глаг. (*пословаше посольство*), тв. п. орудия (*метлой мести*), тв. п. способа (*льстяше льстию*) и др. [Евгеньева 1963: 109-116], причем модели, по которым образованы этимологические фигуры, включают в себя и модели других синкретем (постоянных эпитетов / книжных атрибутов – *свет светлый, просветивый свет*, глагольно-именных оборотов – *стрелой застрелить, повозы возить, исполчити полки, ряды рядить*, парных именовании – *видимая и невидимая, неразумный и безумный*), что создает особую синтагматическую («линейную») и парадигматическую («вертикальную») системность данного вида синкретем.

Например: *«Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый – ты, Игорю!» <...> Ортѣмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстамъ, и всякими узорочьи половѣцкыми <...> Жены руския въсплакашася, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!» (Сл. пл. Иг.: 372, 374, 378); «Ти от сего видимаго свѣта свѣтлаго не начюдимъ ся» (Шестоднев: 42); «Его же видѣвъше отъци ти възрадовашася радостию» (Успен. сб. : 85).*

Развитие концептуальных форм русской ментальности, связанное с разработкой содержания понятия «вследствие метафорических движений словесного знака» (старорусский тип ментальности XIV-XV вв. – *идеация*) [Колесов 2002], привело к постепенному разрушению древнерусской системы синкретем и формированию новой системы на сигнификативной (а не денотативной) основе.

Библиографический список

Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. – М.; Л., 1947.

Артамонова М.В. Парные именованья в древнерусском тексте: Дис... канд. филол. наук. – Смоленск, 2005.

Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. В.П. Григорьев. – М., 1979. – С. 145-173.

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов/н/ Д., 1964.

Архангельский В.Л. Фразеология «Поучения» Владимира Мономаха в связи с общими вопросами фразеологии русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1950.

Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI-XX вв.). – Саратов, 1998.

Бирих А.К. К диахроническому анализу фразеосемантических полей // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 14-24.

Бирих А.К., Мокиенко В.М. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998.

Бойцов С.А. Устойчивые сравнения в брянских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986.

Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // История слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 1999. – С. 5-38.

Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII в. – Л., 1974.

Демьянович Н.И. Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках (сопоставительный аспект). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1980.

Дерягин В.Я. Варьирование в формулах русской деловой речи XV-XVII вв. // Восточные славяне. Языки, история, культура. К 85-летию В.И. Борковского. – М., 1985. – С. 243-248.

Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв. – М.; Л., 1963.

Жолобов О.Ф. Двойственное число и отношения двоичности в древнерусском тексте (на материале сказания о Борисе и Глебе) // Русский язык донационального периода: Межвуз. сб. – СПб., 1993. – С. 88-96.

Жолобов О.Ф. Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. – Казань, 1997.

Жолобов О.Ф. Древнерусские модификации «божественных dvandva» (по материалам Успенского сборника XII–XIII вв.) // Древнерусский язык домонгольской поры: Межвуз. сб. – Л., 1991. – С. 193-201.

Жолобов О.Ф. Заметки о сакральном типе номинации // Историческая стилистика русского языка / Под ред. З.К. Тарланова. – Петрозаводск, 1998. – С. 78-83.

Жолобов О.Ф. К теории и истории гендиадиса // Русская историческая лексикология и лексикография / Под. ред. О.А. Черепановой. – Вып. 5. – СПб., 2000. – С. 103-114.

Кандаурова Т.Н. К вопросу о традиционных сочетаниях-штампах в древнерусских памятниках XI-XIV вв. // Вопросы языкознания и русского языка / Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – № 353. – М., 1970. – С. 114-157.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1988.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. // ВЯ. – 2002. - № 1. – С. 145-148.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989.

Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб., 2002.

Коломиец Л.И. Язык украинских грамот XIV-XV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Харьков, 1953.

Копыленко М.М. Исследование в области славянской фразеологии древнейшей поры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1967.

Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке: Пособие для студентов. – М., 1970.

Костючук Л.Я. Возможности семантических сдвигов при сочетаемости слов (К вопросу о становлении устойчивых сочетаний на метонимической основе) // Русская историческая лексикология и лексикография: Межвуз. сб. – Вып. 3. / Отв. ред. С.С. Волков. – Л., 1983. – С. 81-89.

Костючук Л.Я. Некоторые наблюдения над трафаретными выражениями в древнерусских деловых документах (по грамотам XI-XIV вв.) // Теория и методика преподавания русского языка / Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Т. 293. – Л., 1968. – С. 156-168.

Костючук Л.Я. Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке (по грамотам XI-XIV вв.) (Структурно-грамматическая характеристика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1964.

Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. – М., 1977. – С. 125-143.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. – Краснодар, 2003.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. – М., 1979.

Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самарканд, 1969.

Лопутько О.П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X-XV вв.). – Новосибирск, 2001.

Михайловская Н.Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI-XIV вв.: Нормативный аспект. – М., 1980.

Мокиенко В.М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 3-13.

Мокиенко В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопросы языкознания. – 1973. – № 2. – С. 21-34.

Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л., 1986.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. – М., 1980.

Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – СПб., 2003.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М., 1988.

Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). – М., 2001.

Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). – М., 1902.

Орлов А.С. О некоторых особенностях великорусской исторической беллетристики XVI-XVII вв. – СПб., 1909.

Палевская М.Ф. Основные модели фразеологических единиц в русском языке XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1977.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1935.

Пименова М.В. Древнерусская система формул-синтагм и концептуальные формы русской ментальности // Материалы XXXV Международной филологической конференции. – Вып. 13. Русский язык и ментальность. – Ч. 2. – СПб., 2006. – С. 33-36.

Пименова М.В. К вопросу об изучении устойчивых сочетаний в диахронии // Проблема семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). Международная научно-практическая конференция. – М.; Кострома, 2006. – С. 564-566.

Плисецкий М.М. Положительно-отрицательное сопоставление, отрицательное сравнение и параллелизм в славянском фольклоре (Из очерков по исторической поэтике славянского фольклора) // Славянский фольклор / Отв. ред. Б.Н. Путилов и В.К. Соколова. – М., 1972. – С. 125-163.

Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – М., 1976.

Селиванов Г.А. Фразеология новгородских договорных грамот XIII-XIV веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1953.

Суворова Н.А. Особенности функционирования фразеологических оборотов в древнерусском языке (от XI-XII вв. к XVIII в.) // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии: Сб. научн. тр. – Калининград, 2000. – С. 142-152.

Творогов О.В. Задачи изучения литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. – Т. 20. – М.; Л., 1964. – С. 29-40.

Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. – Т. 18. – М.; Л., 1962. – С. 277-284.

Телия В.Н. Типы языковых значений. – М., 1981.

Толстой Н.И. Из поэтики русских и сербохорватских народных песен (Приглагольный творительный тавтологический) // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика В.В. Виноградова. – Л., 1971. – С. 348-354.

Толстой Н.И. О реконструкции праславянской фразеологии // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М., 1973.

Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. – Новосибирск, 1973.

Федоров А.И. и др. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири. – Новосибирск, 1972.

Янко-Триницкая Н.А. Синтаксические фразеологизмы с лексическими повторами // РЯШ. – 1967. – № 2.

Янко-Триницкая Н.А. «Штушки-дрючки» устной речи // Русская речь. – 1968. – № 4. – С. 48-52.

4. СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

Следует отметить, что современное понимание сущности способов организации текста колеблется в широком диапазоне от их трактовки как дидактических структурных образцов школьного обихода (сочинение-описание, сочинение-повествование, сочинение-рассуждение) до рассмотрения их как логических форм, в которых осуществляется процесс мышления (*описание, повествование / сообщение, рассуждение*) (О.А. Нечаева, И.Р. Гальперин, Н.Д.Зарубина, О.И. Москальская, Н.С. Ковалев). Мы придерживаемся второго, более общего подхода к способам организации текста, то есть понимаем их как формы, отражающие структуру процесса мышления.

К способам организации древнего текста принадлежат, как показывает наш материал, с одной стороны, имеющие современные аналоги *описание* и *повествование*, с другой стороны, особый способ текстообразования, ставящий своей целью конкретизацию абстрактного значения (духовного плана) высказывания, который мы условно называем *толкованием*.

Способ организации текста предопределен стержневым типом семантико-синтагматических текстовых единиц – *словесных рядов*¹, отражающих взаимоотношение объективной *ценности* реалий окружающего мира и *оценки* как выражения основанного на ментальных стереотипах субъективного отношения к ценности в рамках языковой картины мира Древней Руси.

¹ Под *словесными рядами* исследователи (вслед за В.В.Виноградовым) понимают «...последовательность (не обязательно непрерывную) представленных в тексте языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционными функциями и соотнесенностью с определенной сферой языковой коммуникации или определенным приемом языкового выражения» – Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. – М., 1984. – С. 17.

4.1. Описательный словесный ряд

Описательный словесный ряд, отражающий восприятие действительности в её пространственных связях, основан на перечислении статичных соответствующих / несоответствующих идеалу постоянных признаков одушевленных / неодушевленных объектов оценки. Подобные словесные ряды встречаются в оригинальных и переводных летописях / хрониках, житиях, повестях, хождениях, базируясь как на «словесных портретах» устного народного творчества, так и на греческих «описаниях изображения», «описаниях процесса» (экфрасисах), «отголоски» которых попали в древнерусскую литературу благодаря византийским эпическим произведениям.

В описаниях внешности, состоящих из перечисления постоянных признаков объекта оценки, содержится всего одна-две синтагмы с синкретичными именами прилагательными, эксплицирующими мелиоративную эстетическую оценку в линейном ряду в соответствии с единообразным типом внешности, который включает в себя, как отмечают исследователи, высокий рост (*возрастомъ бѣ высокъ, върастомъ же великъ зѣло, тѣлеснымъ возрастомъ свершень, висока тѣломъ*), широкие плечи (*плечи велицѣ, плечима великъ, широкъ же въ плещу*), большие глаза (*очи ему велицѣ, великома очима, очи вели гораздны*), белое / ясное лицо (*бѣль образомъ, лицемъ свѣтель зѣло, лице же его, яко снегъ*), круглую форму лица (*лицемъ круглъмъ, кругловатомъ лицемъ*), кудрявые и светлые волосы (*волосы имѣя желты кудрявы, русовласа, власы имуще кудрявы, бѣлы имѣя власы и браду*) и под.

Описания неодушевленных объектов оценки (например, общего вида какой-либо местности) встречаются в отдельных древнерусских памятниках относительно редко (еще реже, чем описания внешности человека), причем это исключительно мелиоративные словесные ряды. Исследователи указывают на однотипность бóльшей части представляющих реальные географические пространства развернутых описаний местности, например, окрестностей городов Ханонея, Самария - в «Хождении игумена Даниила», Казань и Свияжск – в «Казанской истории».

В описаниях местности, перечисляющих постоянные признаки объекта оценки, содержится несколько синтагм с синкретичными именами / наречиями, которые реализуют значение ‘красивый’ в линейном ряду (*место пренарочито и красно велми, земля та ... красна и чюдна з҃ло, по горама т҃мь краснымь, на таков҃й сей границе красн҃й, текуть красно*), а остальные синтагмы эксплицируют мелиоративную эстетическую оценку на уровне контекста, характеризуя природные богатства с качественной / количественной стороны: горы (*превысокия горы*); растительность (*и всяким овощом обилна есть з҃ло, и овощми преизобилно, и виногради мнози, и древеса много овощнаа стоятъ бес числа*); реки, озера, источники (*и стремнины глубокия, и воды добры суть, источники воднии мнози студени*); животный мир (*и скотом умножена есть, и овци бо и скоти дважды ражаются л҃том, и пчелами увязло ту есть*) и под.

4.1. Повествовательный словесный ряд

Повествовательный словесный ряд, отражающий восприятие действительности в ее временных связях, характеризует объект оценки через развивающиеся действия или состояния и выражает значение ‘делающий / создающий что-либо в соответствии с идеалом’ / ‘поступающий вне идеала, что приводит к эстетической пейоративности’. Повествование восходит к проповедям учительной литературы и к народным сказаниям, используясь в повестях, житиях, летописях, поучениях.

Наиболее ранние из эксплицирующих мелиоративную оценку повествовательных рядов встречаются, как показывает наш материал, в памятнике XVI в. – в «Домострое», содержащем перечисление действий, которые соответствуют эстетике поведения христиански ориентированной личности во время таинства богослужения: *никуда не обзираяся, ни на стену не прикланятися, ни к столпу, ни с посохомъ не стояти, с молчаньемъ и послуша стояти, твердо и непоколебимо молитися, приити к началу; ц҃ловати животворящий крестъ, поцеловати, духъ в себ҃х удержавъ, примати во уста опасно, руц҃и имети к персемъ согбени крестаобразно, вкушати бережно, со опасениемъ ести.*

Эксплицирующие пейоративную эстетическую оценку повествования употребляются, начиная с XII в., в самых разнообразных оригинальных и переводных текстах. Так, в эсхатологическом апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» при помощи придающих тексту временную перспективу ключевых компонентов данного повествования - синтагм с глагольными формами настоящего и прошедшего времени - перечисляются мучительные состояния, в которых пребывают грешники после смерти: ростовщик (*и увидѣ святая богородица мужа висяща за нози, и черви иядяху его*); сплетница (*видѣ жену висящу за зубъ, и различныя змия исхожаху изо усть ея и ядыху ея*); расхититель церковного добра (*видѣ святая на друзѣмъ мѣстѣ висяща мужа за четверо, за вся края ноготь его, исхожаше кровь велми зѣло, и языкъ его вязашеся отъ пламени огненаго*), священнослужители, которые роняли на землю крупинки просвиры (*и видѣ попы висяща отъ краи ногти, исхождаше огонь отъ тѣмяни ихъ и опаляше я*), попадьи, которые после смерти своих мужей вновь вышли замуж (*и видѣ пресвятая жены висяща за вся ногти и пламени исхожаше изо усть ихъ и опаляше вся, и змия исхожаше изъ пламени того и прилѣпяху къ нимъ*), монахини-блудницы (*видѣ другия жены во огни лежаша и различныя змия ядыху ихъ*) и прочие грешники (*и близъ тоя рѣки бяше тма мрачна: ту лежаше множество мужъ и женъ, и клоктаху яко въ котлѣ и яко морскія волны, и ображаются надъ грѣшники, да егда волны возхождаху, и погружаху грѣшники 1000 локоти*) (Хожд. Богород.: 170, 172, 174, 176).

4.3. Словесные ряды толкования

Толкование восходит как к экзегезе библейских притч, так и к вопросно-ответной форме народных загадок, встречаясь в поучениях, житиях, летописях, повестях, притчах, апокрифах, «отреченных» книгах. Словесные ряды толкования оценивают объект путем установления его совпадения / несовпадения с каким-либо отвечающим эстетическим требованиям одушевленным / неодушевленным объектом-эталоном, что выражается конструкциями квалификации предмета (явления).

При помощи толкования в древнерусском тексте осуществляется так называемая **семантическая транспозиция**, соотносящая различные системы номинации. Так, например, в притче «Об единороге» переводной «Повести о Варлааме и Иоасафе» неотвратимость грядущего наказания за суетность земных удовольствий толкуется путем уподобления образа смерти разъяренному единорогу, искушений «сего света» – рву, жизненного пути – подгрызаемому дереву, стихий, из которых составлено человеческое тело – змеиным головам, ада – дракону, сладости удовольствий – капле меда: *«Ибо инорогъ образъ есть смерти гоняй выину и яти послѣдствуеть Адамля рода. Ровъ же весь миръ есть, исполнь сы всѣхъ злыхъ и смертоносныхъ сѣтей. Древо же, от двою мышю беспрестанѣ грызаемо, иже створихомъ путь есть, яко живию комуждо ядомы и гибляя и час радѣ дневныхъ и ноцныхъ и усѣкновение коренное приближается. Четыре же аспиды еже о презрѣшенных и безмѣстныхъ стухый и съставлено челоувечское тѣло съставляется, ими же бециньствующемъ и мятущемся телесный раздрушается съставъ. К симъ же огненный онъ и немилостивый зми страшное изобразуеть адово чрево, зѣваюцю приати же сущихъ красоть паче будущихъ блахъ изволѣша. Медвеная же капля сладость пробовляеть всего мира сладкихъ, им же онъ прелца злѣ своя другы и оставляетъ я прилежаниа творити о спасении своемъ ...»* (Пов. Вар. Иоасафе: 204).

В панегирических контекстах семантическая транспозиция происходит путем сравнения объекта толкования с фигурами Священного Писания и персонажами средневекового литературного эпоса (Соломон, Иисус Навин, Езекия Иудейский, Давид, Иоанн Богослов, апостолы, Александр Македонский, Веспасиан, Тит Флавий, Ахиллес, Дигенис Акрит и под.). Например: *«Но и взоръ его паче инѣх человек, и глас его – акы труба в народѣ, лице же его – акы лице Иосифа, иже бѣ поставиль его египетскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же бѣ его – часть от силы Самсоня, и даль бѣ ему Богъ премудрость Соломоню, храборъство же его – акы царя римскаго Еупесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую»* (Жит. Ал. Невск.: 426). В летописных текстах встречается сравнение воинских доб-

лестей князя с эстетически совершенными животными, «царями животного мира»: «*Одолѣвши всимъ поганьскымъ языкомъ ума мудростью, ходяша по заповѣдемъ божимъ: устремил бо ся бяше на поганья, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодиль; и прехожаеше землю ихъ, яко и орель, храборъ бо бѣ, яко и туръ» (Гал.-Волын. лет.: 236).*

В проповеднической литературе семантическая транспозиция осуществляется путем расширения толкуемого текста дополнительными синтагмами, соотносящими профанную и сакральную системы номинации. Таким образом, например, Кирилл Туровский в проповеди «Слово на антипасху» толкует «Слово на неделю новую, на весну и на память мученика Маманта» Григория Богослова: «*Нынѣ небо свѣтлѣише, ныне солнце высочаише и златовиднѣише*» (Григ. Богосл.: 433) – «*Нынѣ небеса просвѣтишася, темныхъ облакъ, яко вретница, съвлекше и свѣтлымъ въздухомъ славу господню исповѣдаютъ. Не си глаголю видима небеса, нъ разумныя апостолы, иже днесъ на Сионѣ к нимъ въшедши познаша господа, и всю печаль забывши и скорбь иудѣйскаго страха отвергъше, святымъ духомъ осѣнившеся възкресение Христова ясно проповѣдаютъ. Нынѣ солнце красуяся к высотѣ възходитъ и радуяся землю огрѣваетъ, - взиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаетъ ... Нынѣ луна съ вышняго съступивши степени болюму свѣтилу честь по-даваетъ - уже бо ветхий законъ по писанию съ суботами преста и пророки Христову закону честь подаютъ» (видимая небеса - разумныя апостолы, свѣтлымъ въздухомъ - святымъ духомъ, солнце - Христос, земля - вся вѣрующая, луна - ветхий закон) (КТур.: 416).*

Выявляющая абстрактный компонент значения **семантическая ментализация** является относительно малоупотребительным способом толкования, фиксируясь, в основном, в произведениях риториков Древней Руси. В большинстве случаев семантическая ментализация осуществляется при помощи распространения толкуемой синтагмы отвлеченными прилагательными / существительными в родительном падеже, эксплицирующими сакральный смысл высказывания. Ср.: «*Нынѣ же ратай рало погружаетъ, горе зря, и плододателя признаваетъ, и подъ яремъ ведетъ вола*

орачь, и прочертаетъ сладкую бразду, и надеждами веселится ... и рыбарь глубины прозираетъ, и мрежу очищаетъ, и каменемъ пресѣдитъ ... Нынѣ же гнѣздо птица устрояетъ, и ово убо привосходитъ, ова же вселяется, ова же облѣтаетъ, и оглашаетъ лугъ и прилаголюетъ человѣку» (Григ. Богосл.: 434) – «Нынѣ ратаи слова, словесныя юнца къ духовному ярму приводяще, и крестное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаяния прочертаяще, и сѣмя духовное всѣвающе, надеждами будущихъ благъ веселятся ... и рыбари глубину божия въчеловѣчения испытавше, полну церковную мрежу ловитвы обрѣтають ... Ныня вся доброгласныя птица церковныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться. И птица бо, рече пророк, обрѣте гнѣздо себѣ алтаря твоя ... и свою каяждо поющи пѣснь славятъ Бога гласы немолчьными» (КТур.: 417). Семантическая ментализация присутствует также в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Например: «По всеи же земли суша бѣ прѣжде, и дольстѣи льсти языки одержашти и росы благодѣтельныя не приемлющемъ ... И законное езеро прѣсѣше, евангельскыи же источникъ наводнився и всю землю покрывъ, и до насъ разлиася ... Пусть бо и прѣсѣхлѣ земли нашеи суци, идольскому зною исушивъши ю, вънезапу потече источникъ евангельскыи, напаая всю землю нашу, яко же рече Исаия: «Разверзется вода ходящимъ по безднѣ, и будетъ безводнаа въ блата, и въ земли жаждуции источникъ воды будетъ» ... Тогда начатъ мракъ идольскыи от нас отходити, и зорѣ благовѣрия явишася, тогда тма бѣсслужанія погыбе и солнце евангельское землю нашу осия» (Иларион: 586, 589, 590, 592).

4.3.1. От толкования – к рассуждению

В «Слове о житии и учении святого отца нашего Стефана» Епифания Премудрого, в рассказе о создании Стефаном церкви Благовещения, толкование заменяется современным нам функционально-семантическим типом речи – **рассуждением**, устанавливающим причинно-следственные связи между явлениями при помощи доказательства истинности какого-либо утверждения.

Епифаний Премудрый доказывает глобальность деяний Стефана путем сопоставления значимости создания эстетически совершенной церкви Благовещения в Пермской земле с значимостью самого праздника Благовещения и месяца марта в священной истории, что подчеркивается многократным повторением ключевых лексических единиц: *«Оустави же ся таковы праздникъ праздновати месяца марта в 25 день, рекше, яко сии праздникъ есть зачало всѣмъ праздникомъ великымъ господьнскимъ, и яко се есть начатокъ спасению нашему, емоу же и тропарь настоящию послоушествуетъ рекыи: день спасению нашему начатокъ, и вѣчнѣи тайнѣ явление ... Яко се есть мартъ месяцъ начало всѣмъ месецемъ, иже первыи наречется въ месецехъ, емоу ж свидѣтельствоует Моисии законодавецъ, глаголя: месяць же вамъ первы въ месецехъ да боудеть мартъ ... Да елма ж оубо мартъ начало есть всѣмъ месецемъ, и всемоу лѣтоу, и всѣмъ еже в годоу временомъ, поне ж бо мартъ есть началныи месецъ, и в началном месецѣ началныи праздникъ [да яко ж благовѣщение началныи есть праздникъ] праздникомъ и спасению нашему начятокъ, и вѣчнѣи тайнѣ явление ... Тако же и церкви пермьскаа, начатокъ спасению Пермьския земля, и вѣрѣ Христовѣ явление» (Ср.: начатокъ спасению нашему / день спасению нашему начатокъ / начало / началныи / в началном / началныи / началны / начятокъ - начатокъ спасению Пермьския земля, вѣчнѣи тайнѣ явление - вѣрѣ Христовѣ явление). В завершающем аргументе рассуждения Епифания Премудрого происходит отождествление церкви Благовещения, созданной Стефаном, с Церковью вообще, с верой в Христа: *«...Събери, Господи, люди своя расточеныя и овца своя заблуджьшаа, и введи я' въ церковь святоую твою, приедини я' къ святѣи своеи съборнѣи апостольстѣи церкви...»* (Жит. Стеф.: 23-24).*

Таким образом, рассмотренные способы организации древнерусского текста демонстрируют процесс представления действительности в языковой картине мира Древней Руси от описания – повествования – толкования к описанию – повествованию – рассуждению, что отражает смену культурных парадигм и, по образному выражению проф. В.В. Колесова, «взросление мысли в категориях языка» [Колесов 2002].

В заключение необходимо подчеркнуть, что проблема отражения языковой картины мира в «речении» и «разуме» древнерусского текста в рамках взаимодействия основных типов восприятия действительности (способов мышления) и представления действительности (способов текстообразования) требует дальнейшего изучения в плане диахронии.

Библиографический список

Акимова Э.Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI-XVII вв.). – Саранск, 2006.

Валгина Н.С. Теория текста. – М., 2004.

Верещагин Е.М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества // ВЯ. – 1982. – № 6.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

Друговейко С.В. Лингвостилистический анализ отрывка из «Слова на Фомину неделю» епископа Кирилла Туровского // Историческая стилистика русского языка / Под ред. З.К. Тарланова. – Петрозаводск, 1998. – С. 116-118

Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. – М., 1981.

Ковалев Н.С. Древнерусский литературный текст: проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки. – Волгоград, 1997.

Колесов В.В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского // ТОДРЛ. – Т. 36. – Л., 1981. – С. 37-49.

Колесов В.В. Сергей Радонежский: художественный образ и символ культуры // Жизнь и житие Сергия Радонежского / Сост., посл. и коммент. В.В. Колесова. – М., 1991. – С. 319-336

Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981.

Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ, 1974.

Флоренский П.А. Собрание сочинений. Т. 4. Столп и утверждение истины / Под ред. Н.А. Струве. – Париж, 1989.

Пименова Марина Васильевна, Артамонова Марина Владимировна

«Речение» и «разум» древнерусского текста

Часть I.

Методические указания к проведению специализированных семина-
ров по курсу «История русского языка»

Компьютерная верстка – М.В. Пименова

Редактор – Е.А. Арсеньева

План издания университета 2008 г., поз.

Подписано в печать 07.2.2008

Формат 84x108^{1/32}

Усл. печ. л. - 2,9

Уч. изд. л. - 3,12

Заказ № 112-08

Тираж 50 экз.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВГПУ

600024, г. Владимир, ул. Университетская, д.2, тел. (4922) 33 87 92
